

УДК070.41
ББК 76.01

Г.В. Жирков

Л.Н. ТОЛСТОЙ И ЦЕНзуРА

«В России никто не печатает,
и я поставил
conditio sine qua non печатать
всё или ничего».
*Л.Н. Толстой*¹

Исследуется процесс цензурирования сочинений Л.Н. Толстого на протяжении всей его жизни, особенно его публицистического творчества. В этом процессе были задействованы все властные структуры общества: от царя и обер-прокурора до цензора и шпики. Несмотря на всё это, Толстой добился возможности свободно обращаться к широкой аудитории, включавшей после 1890-х гг. население всей Земли.

Ключевые слова: Толстой, власть, Церковь, цензура, свобода слова, творчество, публицистика, эссе.

Жирков Геннадий Васильевич — докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ
E-mail: cafiist@mail.ru

© Г.В. Жирков, 2009 г.

Никто другой из писателей и публицистов России не претерпел столько от цензуры, сколько Лев Николаевич Толстой (1828–1910), никому другому не посвящено столько цензурных документов. Уже в 1880-е гг. большинство его сочинений запрещалось, и, тем не менее, Толстой, как никто другой, имел свободу слова. В этом особенность взаимоотношений Толстого с цензурой и властью.

Первые беллетристические произведения молодого писателя 1850-х гг. прошли обычную цензуру, но уже тогда состоялось и его настоящее знакомство с нею. Верховный цензор того исторического периода император Николай I не дал разрешения на задуманный Толстым и его боевыми товарищами журнал «Военный листок», рекомендуя печататься в официозе «Русский инвалид» [Жирков, 2007, с. 63–107]. Однако судьба распорядилась так, что именно творчество Толстого послужило разрушению монополии официального издания на военную информацию. Очерк Л.Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце» вышел в свет в июньской 1955 г. книжке «Современника». Писатель в своих очерках ставил некую сверхзадачу: он раскрывал не только канву событий, но и, как он сам считал, то, «что называется ду-

хом защитников Севастополя». Его произведение попало в самую точку общественных настроений. Один из редакторов журнала И.И. Панаев 31 мая 1855 г. писал автору: «Статья эта с жадностью прочлась здесь всеми, от нее все в восторге — и, между прочим, *Плетнев* (Петр Александрович Плетнев (1792–1865) — ректор Петербургского университета, профессор и академик. — Г.Ж.), который отдельный ее оттиск имел счастье представить государю императору на сих днях» [Толстой, 1962, с. 66]. Александр II распорядился опубликовать очерк Толстого в «Русском инвалиде» и в правительственной газете «Le Nord», выходившей на французском языке в Брюсселе. Затем, в том же году, император разрешил редакциям «Современника» и «Отечественных записок» открыть новые отделы, посвященные актуальным вопросам, а М.Н. Каткову издавать новый журнал «Русский вестник». Фактически это положило начало новому уровню гласности в обществе и реформированию цензуры.

Однако в стране по-прежнему действовал старый цензурный устав 1828 г., а главное — огромное число указаний Николая I, которые никто не отменял [Жирков, 2001, с. 100–126]. Уже прохождение в печать второго очерка Толстого «Севастополь в мае», имевшего в «Современнике» название «Ночь весною 1855 года в Севастополе» показало, что цензура еще действует в старом духе. Председатель Цензурного комитета М.Н. Мусин-Пушкин даже удивлялся тому, «что редактор решился статью представить, а г. цензор (им был В.Н. Бекетов. — Г.Ж.) дозволить к напечатанию». Он посчитал статью «за насмешки над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя» и запретил печатать очерк (т. 4, с. 390). Редакция добилась его опубликования, но в сильно урезанном виде и без подписи автора [Цимеринов, 1963, с. 219]. Очерк завершался знаменательными словами, выражающими кредо Толстого: «Герой же моей повести тот, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда». Эти слова тоже были сокращены [Жирков, 2001, с. 59].

Душевной и физической энергии Толстого всегда была свойственна практическая устремленность. Вообще на протяжении всей жизни его деятельная натура не могла удовлетвориться воображаемым творческим миром. Его судьба показывает то, что он всегда выступает не только художником слова, но и творцом жизни. Вернувшись с войны в 1859 г. в родную Ясную Поляну, Толстой открывает школу и возобновляет занятия с крестьянскими детьми, которые он вёл еще в 1849 г., помогает организовать школы в соседних деревнях; в 1862 г. издаёт собственный педагогический журнал «Ясная поляна»².

Основное место в нём занимали статьи, показывающие практику народного учителя, народной школы вообще, участие в них крестьян. Сам Толстой опубликовал в журнале статьи: «О свободном возникновении

и развитии школ в народе» (№ 2), «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (№ 1–4), «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» (№ 9) и др. Толстой смог подготовить за год 12 номеров «Ясной Поляны». И по поводу программы журнала, и по поводу высказываемых Толстым идей в печати развернулась острая полемика, чаще всего отвергающая новации Льва Николаевича.

Цензурное ведомство незримо участвовало в полемике вокруг «Ясной Поляны». Цензорам Московского комитета, познакомившимся со статьей Толстого «Воспитание и образование», идеи ее автора показались излишне радикальными. Они отослали статью 5 сентября 1862 г. для решения вопроса к министру народного просвещения А.В. Головнину, считая, что «автор силится ниспровергнуть всю систему общественного образования, принятого не только в России, но и в целом мире». (Цит. по: [Спиридонов, 1940, с. 104–105]). А.В. Головнин (1821–1886) не был номинальным министром. Он активно занимался проблемами образования. И он подошел к вопросу о журнале «Ясная Поляна» с позиций закона — Цензурного устава 1828 г. В ответе Цензурному комитету от 14 сентября 1862 г. он замечал: «Что же касается критики учреждений сего Министерства, то я признаю возможным оставить оную в статье гр. Толстого, так как многие из лиц, принадлежащих к университетам и гимназиям, будут отвечать автору и объяснят, в чем он ошибается». [То же, с. 105].

Свою позицию Головнин отстаивал и в обмене мнениями с министром внутренних дел П.А. Валуевым (1814–1890). «Наблюдательное чтение педагогического журнала «Ясная Поляна», издаваемого графом Толстым, — делился Валуев впечатлениями о нём с Головниным 3 октября 1862 г., — приводит к убеждению, что журнал этот, проповедующий совершенно новые приемы преподавания и основные начала народных школ, нередко распространяет такие идеи, которые, независимо от их неправильности, по самому направлению своему, оказываются вредными<...> считаю нужным обратить внимание Вашего Превосходительства на общее направление и дух этого журнала, нередко низвергающие самые основные правила религии и нравственности» [Лемке, 1904, с. 228].

Такие филиппики по поводу деятельности Толстого для высших чиновников будут обычными значительно позднее. У Головнина на этот счет было другое мнение. После беседы с Валуевым он дал задание своим помощникам изучить проблему. Под его руководством было составлено обстоятельное «Мнение о “Ясной Поляне”, педагогическом журнале, издаваемом графом Л.Н. Толстым». Копия этого замечательного документа была направлена 24 октября 1862 г. в Министерство внутренних дел [см.: Спиридонов, с. 107–118]. Она имела сопроводительную записку Головнина, делавшего вывод, «что в направлении упомянутого издания нет ничего вредного и противного религии, но встречаются крайности педаго-

гических воззрений, которые подлежат критике в ученых педагогических журналах, а никак не запрещению со стороны цензуры <...> деятельность графа Толстого по педагогической части заслуживает полного уважения, и Министерство народного просвещения обязано помогать ему и оказывать сочувствие, хотя и не может разделять всех его мыслей...» [Разная переписка..., 1864, с. 228–229; Лемке, 1904, с. 228–229].

Вообще не цензура была главным препятствием на пути издания «Ясной Поляны». И в последующие годы это направление общественной и публицистической деятельности Толстого сопровождалось с наименьшей долей вмешательства цензурного ведомства. Здесь чаще слышался негативный голос общественного мнения. Попытки историков и литературоведов увидеть причины закрытия «Ясной Поляны», во-первых, в «резко-неблагоприятных отзывах» о ней «Современника», «журнала авторитетного и широко распространенного» и «педагогических журналов, обслуживающих педагогический мир»; во-вторых, в «бюрократическом произволе, жертвой которого (якобы. — Г.Ж.) стал Л.Н. Толстой в связи с его педагогической и журнальной работой» («Темные силы III отделения зашевелились вокруг Толстого уже в конце 1861 г...», — замечает в духе своего времени профессор В.С. Спиридонов [Спиридонов, 1940 с. 103]) — не состоятельны. Ни то, ни другое не повлияло на решение Толстого.

Вся журналистская и публицистическая деятельность Толстого осложнялась тогда рядом личных обстоятельств. Это были дни его любви и женитьбы на Софье Андреевне Берс (сентябрь 1862 г.), дни духовного творческого подъема. «Я теперь писатель всеми силами своей души, — признавался Лев Николаевич осенью 1862 г. в послании к А.А. Толстой, — пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал» [Переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой, 1911, с. 192]. Он жил в мире героев будущего романа «Война и мир», работая над этой эпопеей, требовавшей от него полной самоотдачи. При этом возникали обычные житейские и материальные проблемы. Издание журнала естественно занимало много внимания, много времени и немало средств. 17 января 1863 г. в «Московских ведомостях» появилось сообщение о прекращении этого издания.

Еще в 1856 г. Толстой начинает сотрудничать с «Русским вестником» М.Н. Каткова, где вышли в свет составившие ему мировую славу романы «Война и мир», «Анна Каренина» и др. Лев Николаевич предпочел идейной деловой связью с журналом. Катков к этому времени как редактор был настоящим профессионалом. Часть рукописей Толстого прошла по его просьбе корректуру Михаила Никифоровича. В то же время редактор не скупился на гонорар за них. Конечно, писатель учитывал и то, что Катков имел у власти уже тогда реноме благонадежности, что помогало провести произведения через цензуру с меньшими потерями.

Оба романа в определенных условиях могли бы понести значительный урон. Роман «Война и мир» противостоял официальной точке зрения на

исторические события 1812 г. Реализм Толстого в другом романе несколько шокировал, к примеру, английского читателя. Дело дошло до того, что Общество национальной безопасности (National Vigilance Association) включило «Анну Каренину» в список «непристойных» книг. Сотрудничество Толстого с «Русским вестником» продолжалось 15 лет — до тех пор, пока редактор не проявил себя и цензором, поэтому роман «Анна Каренина» в его журнале и не имеет последней части, напечатанной писателем отдельно.

Уже при создании этого шедевра словесности Лев Николаевич осознал, что его «писания» читаются лишь элитой общества, а сам он ставил перед собой задачу служить народу. «Цель одна — образование народа», — заносит он 16 (28) марта 1860 г. в записную книжку [Переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой, с. 163–165]. Через сорок лет, в 1901 г., осмысливая пройденный путь, Лев Николаевич констатирует в дневнике: «Счастливые мои эпохи были только тогда, когда я всю жизнь отдавал служению людям. Это были школы, посредничество, голодающие...» (т. 54, с. 245).

Если педагогическая публицистика Толстого не вызывала особых нареканий цензуры, то другое направление деятельности Толстого — его инициатива в помощи голодающим крестьянам и борьбе с голодом, а главное — осмысление народной трагедии встретили настороженное внимание цензурного ведомства. Толстой воочию увидел трагическое положение народа в 1872–1873-е голодные годы. Он специально объехал несколько сел Самарской губернии и провел фактически расследование, понимая, что в этом случае нужны веские доказательства. Под впечатлением бедственного положения деревни Толстой пишет с хутора на Тананыке 28 июля 1873 г. отчаянное открытое письмо «Издателям “Московских ведомостей”», опубликованное в этой газете 17 августа (т. 62, с. 35–36).

Статья Толстого стала документом, неопровержимо доказывающим, что далее так продолжаться не может, — нужна экстренная помощь. Автор выступает репортером-очевидцем. Призыв Толстого, уже известного тогда писателя, автора романа «Война и мир», «вызвать всех русских к подаянию помощи пострадавшему народу» нашел отклик в обществе. Печать забила в колокола. «Московские ведомости» подчеркивали: «Появление письма Л.Н. Толстого было поворотным пунктом в истории помощи голодающим. Оно было буквально подхвачено общественным мнением, его везде цитировали и ссылались на него».

«Санкт-Петербургские ведомости» изложили статью Толстого в переводе. Дважды, 20 и 21 августа, к призыву писателя обращалась газета «Новости». 25 августа «Голос» расценил «Письмо Толстого» как явление большого общественного значения. Журнал «Дело», рассказав во «Внутреннем обозрении» о самарском голоде, перепечатал большую часть этого обращения.

Письмо положило начало новому этапу жизни и деятельности Л.Н. Толстого. По его словам, «"Анна Каренина", "Дворянское гнездо" — для нас вещи хорошие, но для народа они равняются нулю». Столкновение с правдой жизни, к которой Толстой всегда был гениально чуток, привело его к сознательному пересмотру образа жизни, включая и творчество. В одном из писем 1877 г. он замечает: «...Делаю какой-то самому мне почти непонятный выбор» [Толстой о литературе, 1955, с. 158]. Это касалось жизни, деятельности и творчества писателя. Наступает период переосмысления им жизни, поиска её. Он совершает поездки в Оптину пустынь, Киево-Печерскую и Троице-Сергиеву лавры. Он пишет полное раздумий, сомнений и эмоций эссе «Исповедь», открывающее новую страницу его творчества — цикл философских, публицистических произведений и религиозных трактатов.

Это было время испытания начатых Александром II реформ, создавших в стране новый уровень гласности, что способствовало становлению общественно-политической мысли. Но радикальной части элиты России казалось, что модернизация страны носит половинчатый характер, проходит в замедленном темпе, свободы не хватает и т.д. Мало того, наиболее непримиримо настроенные революционеры-народовольцы пришли к идее террора: достаточно убить царя и народ восстанет, самодержавие падет. И они фактически открыли охоту на императора Александра II и, наконец, 1 марта 1881 г. достигли цели.

Толстой был потрясен этим злодеянием. Жестокость рождает жестокость, зло сеет злобу и зло. 8–15 марта 1881 г. он пишет, переписывает и снова пишет послание сыну убитого императора, взошедшему на престол, пытаясь остановить распространение в обществе жестокости. Для Александра III «искушение зла» было слишком велико. Толстой взывает к человечности по отношению к тем, кто совершил зло. Он подчеркивает: с «людьми, ненавидящими существующий порядок вещей» *«надо бороться духовно*. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себя и их идеал» [Лев Толстой и русские цари, 1995, с. 12]. (Курсив наш. — Г.Ж.). Толстой просил Александра III простить тех, кто убил его отца.

Он попытался передать это письмо обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву для вручения его императору, но тот проигнорировал просьбу писателя, наоборот постарался убедить Александра III в том, что «вся земля (кроме немногих ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется». Письмо Толстого нашло адресата через К.Н. Бестужева-Рюмина и Великого князя Сергея Александровича. Только через три месяца и после напоминания Победоносцев известил «достопочтеннейшего графа Льва Николаевича» о том, что он не смог дать хода его просьбе, поскольку у них различные «Христы»

и различные «веры»: «В таком важном деле все должно делаться по вере. А, прочитав письмо ваше, я увидел, что ваша вера одна, а моя и церковная вера другая, и что наш Христос — не ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение» (т. 28, с. 349). В письме Победоносцева кратко зафиксирован водораздел между официальной Церковью и Толстым.

Обмен посланиями двух видных деятелей того времени послужит развитию их антагонизма в дальнейшем. Лев Николаевич, еще не получив ответа обер-прокурора, имел сложившееся представление об этом человеке. Еще 3 апреля его письмо к Н.Н. Страхову содержало хорошо известные сейчас строки: «Победоносцев ужасен. Дай Бог, чтобы он не отвечал мне и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним» [Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1913 с. 270–271]. Зло совершилось: убийцы императора были казнены.

Толстой и Победоносцев (1827–1907) жили на одном временном отрезке, а обер-прокурор долгое время был, можно сказать, главным цензором страны [Жирков, 2001, с. 165–167]. Все последующие годы он будет зорко следить за общественно-публицистической деятельностью и творчеством Толстого.

Осенью 1881 г. семья Толстых после многих лет пребывания в Ясной Поляне переехала в Москву. Верный себе, Лев Николаевич пристально изучает жизнь города, особенно городской голытьбы. С этой же целью он активно участвует в 1882 г. в переписи населения в Москве. Впечатления от всего познанного и прочувствованного были такими, что Лев Николаевич, по его словам, «не мог без раздражения видеть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто барски накрытого стола, ни экипажа, сытого кучера и лошадей, ни магазинов, театров, собраний <...> не мог не видеть рядом с этим голодных, холодных и униженных жителей Ляпинского дома. И не мог отделаться от мысли, что эти две вещи связаны, что одно происходит от другого» (т. 25, с. 191).

Это была сложная, внутренняя, душевная работа. «Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни», — считал писатель, но оказалось, что эта трудная для него пора продлится не один год.

Льва Николаевича теперь волнуют коренные и насущные проблемы современного ему общества, требующие вмешательства в их решение, а это прерогатива публицистики. Поэтому ее пласт в его творческом наследии огромен и значителен. Он охватывает художественную, философскую, нравственную, духовную публицистику. В нем исследуются все стороны человеческого бытия. И вся публицистика поставлена на службу народу. Это был, можно сказать, социальный заказ Совести Толстого. И к нему он шел по жизни вполне последовательно.

Так, он пишет с восхищением Н.Н. Миклухо-Маклаю о его деятельности среди папуасов: «...Не знаю, какой вклад в науку, ту, какой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху *в той науке, которой я служу — в науке о том, как жить людям друг с другом*. Напишите эту историю и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству» (т. 63, с. 379]. (Курсив мой. — Г.Ж.). Сам Толстой служил науке о том, как жить людям друг с другом. Этим определялся его нравственный подход ко всем проблемам. И здесь основным оружием литератора становится публицистика, что и приводит писателя к непримиримому столкновению с властными структурами, включая цензурное ведомство³.

Рукопись «Исповеди» была готова к июлю 1881 г. При ее чтении у Толстого в гостях был редактор «Русской мысли» С.А. Юрьев, посчитавший, что статья может пройти цензуру и быть напечатанной в его журнале. Рукопись была отправлена в набор, прошла 3 корректуры и верстку, была подготовлена к печати в 5 номере за 1882 г. При этом автор внес в ее текст немало изменений, дал ей название «Вступление к ненапечатанному сочинению», написал новое заключение.

Осознавая степень цензурного риска, редакция сопроводила произведение Толстого объяснительным трехстраничным введением и сделала к статье еще 5 примечаний. Несмотря на все это, Московский комитет духовной цензуры потребовал смягчения ряда мест представленного текста. Автор пошел на это. Но цензура по-прежнему сомневалась и медлила. Редакции пришлось выпустить июньский номер журнала ранее майского, куда предназначалось эссе писателя. Секретарь «Русской мысли» Н.Н. Бахметьев поехал к цензору на переговоры. Им оказался ректор Вифанской семинарии протоиерей Сергиевский, который неодобрительно отнесся к сочинению писателя, упрекая его в гордыне, в том, что о вере «просвещенных людей» он дает «эпикурейски легкомысленный и непростительный по отношению к св. писанию отзыв»⁴. По представлению Сергиевского «Исповедь» была запрещена. Под наблюдением инспектора типографий из журнала были вырезаны страницы с этим произведением и отправлены в Главное управление по делам печати.

Начался своеобразный путь «Исповеди» к читателю. Он показал автору, как его произведение может дойти до аудитории в сложных условиях цензурного режима. Интерес к необычному сочинению известного писателя в новой общественной атмосфере был настолько велик, что Главное управление по делам печати не смогло отказать некоторым высокопоставленным лицам познакомиться с ним. Им были предоставлены несколько корректурных оттисков эссе Толстого. Это кончилось тем, что оно стало распространяться по всей стране в переписанном, отгектографированном или отлитографированном виде.

В Петербурге кружок студентов наладил копирование этого произведения. За 3 рубля его экземпляр можно было купить не только в столичных, но и провинциальных городах. Весной 1886 г. полиция провела обыски квартир студентов Казани, подозреваемых в оппозиционных настроениях. Среди революционной и агитационной литературы в их библиотеках были обнаружены такие произведения Толстого, как «Исповедь» (100 экз.) и «Какова моя вера» (398 экз.) [Гусев Н.Н., 1992; Книга в России, 1997]. Получилось так, что самодеятельный тираж «Исповеди» явно превзошел трехтысячный тираж журнала «Русская мысль», где планировалось поместить сочинение писателя.

За границей «Исповедь» переиздавалась много раз: только у М.К. Элпидина четырежды — в 1884, 1889, 1895, 1900 гг.; в издательствах И. Рэда, В. и А. Чертковых «Свободное слово» (1901); в газете «Общее дело» (Женева, октябрь 1883 — май 1884. № 56–61) как «Вступление к ненапечатанному сочинению. Исповедь гр. Л.Н. Толстого». М.К. Элпидин опубликовал эссе в виде брошюры под кратким заглавием «Исповедь». Получилось так, что Толстой затем это название принял окончательно.

Однако и в России «Исповедь» была вполне доступна читателю. В газете «Новости» 5 февраля 1884 г. была помещена заметка Н.С. Лескова со ссылкой на иностранную печать, сообщавшую, что в Москве в магазинах продано 50 экземпляров «Исповеди» графа Толстого по 25 руб., а в Петербурге якобы их продают дешевле [Карякин, 1918, с. 285]. Историк культуры С.С. Левина насчитала 19 только сохранившихся изданий, лито- и гектографированных и имевших разные названия [Левина, 1978, с. 61]:

- Автобиография — 1;
- Вступление к ненапечатанному сочинению — 7 (такое заглавие Толстой дал эссе в корректуре);
- Вступление к критике догматического богословия — 1;
- Исповедь — 2;
- (без заглавия) — 8.

Большинство этих брошюр было напечатано по последней корректуре «Русской мысли». Кроме самодеятельного распространения этого текста, был использован уже испытанный в русской журналистике прием его цитирования и комментирования. «Русская мысль» (№ 11) опубликовала в 1884 г. статью М.С. Громеки «Последние произведения Л.Н. Толстого», где приводились значительные выдержки из «Исповеди». Статья Громеки выходила отдельными изданиями 6 раз (1-е — 1885 и 6-е — «Посредник», 1914). В «Неделе» (№ 44 и 46) в 1885 г. появились «Беседы с гр. Л.Н. Толстым» В. Вогезского.

Можно было познакомиться с сенсационным произведением писателя и через его критику в печати Русской православной церкви. Журнал «Вера и разум» в 1885–1887 гг. поместил в 10 номерах серию статей М.А. Остроумова (1847–1920) «Наши новые философы и богословы»

[Остроумов, 1885–1887]. Она вышла и в виде книги «Граф Л.Н. Толстой (Критический разбор «Исповеди» Л.Н. Толстого)» (Харьков, 1887. 296 с.). Профессор Казанской духовной академии А.Ф. Гусев (1842–1904) также выступил в журнале «Православное обозрение» в 1886–1890 гг. с серией полемических статей «Исповедь графа Л.Н. Толстого и его мнимо-новая вера», печатавшихся в 13 номерах. В 1890 г. они были изданы в Москве книгой, имевшей 460 страниц [Гусев А.Ф., 1890; Православное обозрение, 1886, 1889, 1890].

Таким образом, несмотря на цензурный запрет, «Исповедь» Толстого станет одним из самых читаемых его публицистических произведений, а опыт его распространения закрепится и получит развитие в дальнейшем.

Казалось бы, цензурное ведомство должно было учесть этот жизненный урок и увидеть бесперспективность запрета сочинений писателя и публициста. Но этого не случилось. С.А. Толстая не оставляла попыток включить ставшую столь популярной «Исповедь» в собрание сочинений Толстого, выходявшее под ее контролем. В ноябре 1885 г. она поехала в Петербург и обратилась в цензурное ведомство за разрешением отпечатать 12 том сочинений Толстого вместе с «Исповедью». Его начальник Е.М. Феоктистов 25 ноября передал дело в духовную цензуру, о чем и сообщил жене писателя. 12 декабря Московский духовный цензурный комитет доводил до сведения Синода то, что ему женой Толстого представлены в корректурных листах «Исповедь» и «Как я понял учение Христа». Однако решение вопроса затянулось, и тогда в декабре Софья Андреевна потребовала в письме к обер-прокурору К.П. Победоносцеву дать, наконец, ей окончательный ответ.

16 декабря Константин Петрович сообщал графине: «По совести скажу Вам: книга эта, при всем добром намерении автора, — книга, которая произведёт вредное действие на умы» (т. 25, с. 757–758). Духовные цензоры пришли к заключению, что в этих произведениях Толстого «по местам излагаются мысли, подвергающие сомнению важнейшие истины веры православной церкви, дерзкие кощунства неверия и столь же дерзкие суждения о существующем строе государственного управления, представленные в выражениях сильных и картинных, *каковыя суждения, будучи распространенными в среде православного народа, могут произвести немалый соблазн и волнение в умах и нарушить тишину церкви и государства*» [Апостолов, 1930, с. 86]. (Курсив мой. — Г.Ж.).

14 мая 1886 г. дело слушалось в Святейшем Синоде, который приказал: «Исповедь» к печати не разрешать. 5 июля 1886 г. Софья Андреевна получила уведомление Московского комитета духовной цензуры: «Ее сиятельству графине Софье Андреевне Толстой. Святейший Синод, принимая во внимание, что в присланных Вами в Московский духовный цензурный комитет сочинениях графа Льва Николаевича Толстого под названием «Исповедь» и «Как я понял учение Христа» по местам изла-

гаются мысли и суждения, несогласные с учением Православной церкви, определяет: не разрешать к печати означенные сочинения и представленные Вами корректурные листы сих сочинений хранить в синодальном архиве. Член комитета протоиерей Платон Капустин» (т. 23, с. 522. Примеч.).

Однако само общество, добровольные издатели и распространители возьмутся за тиражирование сочинений Толстого. Его «Исповедь» соберет вокруг себя огромную аудиторию, станет предметом живейшего общественного интереса. Об этом произведении будут спорить, его будут критиковать. Для целого ряда интеллигентов оно станет жизненным руководством. Других заставит глубоко задуматься над своим образом жизни.

В жизни России появилось совершенно новое явление — публицистика Толстого; зазвучал Колокол не из Лондона, а из сердца России — Москвы.

Тем временем, в течение 1882–1885 гг. для Льва Николаевича задуманная статья о жизни городских низов, впечатлениях, полученных в ходе переписи, стала как бы наваждением, от которого он не мог освободиться: он постоянно, даже если не писалось, возвращался к ее проблемам, осмысливал их, переживал их. В конце концов, статья превратилась в цикл очерков «Так что же нам делать?» — сложную, многоплановую книгу в 229 страниц (т. 25, с. 182–411). Впрочем, это было возвращением к задуманному. План этого произведения фактически вмещает в себя самостоятельные очерковые сюжеты — цепочку картинок, которые вряд ли можно было бы соединить в одной статье.

Перед глазами читателя проходит вереница обитателей низа общества, представлявших, по Толстому, 100 тысяч жителей Москвы: нищие, попрошайки, бродяги, безработные, проститутки, бездомные, беспризорные дети; документально выписанные картины их быта, их существования: Хитров рынок, ночлежные дома, улица, табачная фабрика и т. д. Олицетворением всего дна русского общества для Толстого стал Ляпинский бесплатный ночлежный дом. Его внутренности публицист разворачивает перед читателем (т. 25, с. 190).

Перелистывая страницы цивилизации и личной жизни, Толстой «увидел, что причина страданий и разврата людей та, что одни люди находятся в рабстве у других», и потому он «сделал простой вывод», что если он хочет помогать людям, то ему, прежде всего, нужно «не участвовать в порабощении людей». А это означало, «как можно меньше пользоваться работой других и как можно больше работать самому». Собственно в этом и заключался ответ на вопрос, вынесенный в заглавие цикла очерков (т. 25, с. 294, 383, 386). Всесторонний суд великого русского писателя над цивилизацией, ее достижениями носит глубоко нравственный характер. Цензурная история этого произведения напоминает то, что произошло с «Исповедью», хотя редактор журнала «Русское богатство» Л.Е. Обо-

ленский смог провести через цензуру ряд очерков с многочисленными поправками. Толстой так отреагировал тогда на это: «Мне неприятно печатать кастрированное, но если нужно, то мне очень радостно отдать его именно в таком уродливом виде» (т. 85, с. 57). Так же, как «Исповедь», очерковый цикл Толстого уже в 1884–1885 гг. стал распространяться по стране в лито- и гектографированном виде. 19 января 1885 г. Лев Николаевич писал князю Л.Д. Урусову: «Меня радует то, что она (статья. — *Ред.*) читается по корректурам и уже переписывается» (т. 63, с. 203).

В полицейском донесении от 21 февраля 1886 г. говорилось о том, что «одно из последних сочинений» Толстого «Так что же нам делать?», «долженствовавшее появиться на страницах «Русской мысли» и запрещенное цензурой... было отгектографировано по корректуре, доставленной Пругавиным из редакции «Русской мысли», в кружке умершего инженера Александра Ивановича Александрова, в квартире Губаревой, и распространялось по 2 р. за экземпляр между учащеюся молодежью» [Редакция и сотрудники..., 1917, с. 100–101]. Осенью 1885 г. киевская полиция обнаружила при обысках у подозрительных лиц статью «Так что же нам делать?», напечатанную двумя выпусками в нелегальной типографии [Левина, 1978, с. 62].

Наконец, к распространению этого сочинения подключилась заграница, в первую очередь, М.К. Элпидин. Уже в 1886 г. в Женеве он выпустил книгу Толстого под названием «Какова моя жизнь?», которая включала текст, подготовленный для журнала «Русская мысль», и очерк, названный издателем «Деньги», выпускавшийся им и как отдельное произведение. Эта книга переиздавалась Элпидиным в 1889 и 1902 г. Путь к читателю цикла очерков «Так что же нам делать?» окончательно убедил его автора, что его сочинения, несмотря на цензуру, так или иначе будут доходить до аудитории. Толстой продолжает диалог с нею о смысле жизни в новом сочинении — трактате «В чем моя вера?». После сенсационного явления обществу «Исповеди» Толстого каждое его произведение выходило в атмосфере ожидания. Это касалось и цензуры. Вот характерный штрих: 10 января 1883 г. обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев в письме к начальнику Главного управления по делам печати Е.М. Феокистову предлагал ему заметить появление в газете «Голос» сообщения о предстоящей публикации «нового философского труда» графа Л.Н. Толстого. Имелся в виду вышеназванный трактат. Комментарий обер-прокурора не оставлял сомнения в необходимости поставить препоны такого рода сочинениям: «Эти философские труды *полоумного гр. Толстого* известно к чему клонятся. Посему не лишним почитаю обратить ваше внимание на означенное заявление» [Письма К.П. Победоносцева..., 1953, с. 502–503]. (Курсив мой. — Г.Ж.).

Автор еще творит, а бдительное начальство уже готовится к соответствующей встрече с его произведением. Толстой думал поместить сочи-

нение в журнале «Русская мысль», но оно превратилось в объемистую книгу, которую можно было отпечатать в типографии без предварительной цензуры. Лев Николаевич так и поступил, отдав трактат «В чем моя вера?» в типолитографию И.Н. Кушнера, где она была набрана по его заказу в 50 экземпляров и по предполагаемой дорогой продажной цене в 25 руб. за книгу, т.е. в расчете на узкий круг читателей. Писатель считал, что всё это будет способствовать ее прохождению через цензуру в заинтересованную, специальную аудиторию. В связи с этим он писал 10 января 1884 г. А.Н. Пыпину: «Не могу себе представить, что сделает цензура. Пропустить нельзя. Не пропустить тоже, мне кажется, в их видах нельзя (т. 23, с. 551).

14 января председатель Московского цензурного комитета В. Федоров, познакомившись с корректурными оттисками произведения Толстого, доносил Е.М. Феоктистову: «Сочинение читается с большим интересом и возбуждает полное внимание. По существу же оно должно быть признано крайне вредной книгой, так как подрывает основы государственных и общественных учреждений и вконец рушит учение церкви». Он собирался задержать выпуск книги из типографии, один ее экземпляр отправить для окончательного решения в духовную цензуру. Одновременно Федоров считал, что «судебное преследование по такому сочинению невозможно» (т. 23, с. 551. Примеч.).

Действительно, светская цензура передала книгу Толстого в духовную. Цензуровал трактат «В чем моя вера?» протоиерей М. Боголюбский, пришедший к заключению, что книга Толстого принадлежит к числу запретных сочинений, о которых «говорит 239-я статья цензурного устава». Аргументов в пользу такого решения у цензора было вполне достаточно. В своем рапорте он с иронией замечал: Толстой развенчивает всех «исказителей Евангелия, в том числе и апостола Павла, и *поршца* все церковные и государственные установления. Все самые вредные направления мысли, как-то: социализм, коммунизм и проч., по мнению Толстого, суть части учения Христова, проносимые церковью». Мысли автора книги «явно противны духу и учению христианства», они разрушают «начала нравственного учения его, устройство и тишину церкви и государства» (т. 23, с. 551. Примеч.).

Московский духовный цензурный комитет поддержал цензора, а начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов 14 февраля 1884 г. распорядился «о безусловном запрещении означенного сочинения» с тем, чтобы все его экземпляры были доставлены в цензурное ведомство. 18 февраля инспектор по типографиям Москвы арестовал в типографии Кушнера 39 экземпляров книги и отправил их по назначению⁵. Толстой так отметил в своей переписке действия цензурных структур:

19 февраля 1884 г. — А.С. Бутурлину: «Книга моя вышла и запрещена, но не сожжена, а увезена в Петербург, где, сколько мне известно,

те, которые запретили ее, разбирают по экземплярам и читают. И то хорошо».

2–3 марта — Н.Н. Ге: *«Книгу мою, вместо того чтобы сжечь, как следовало по их законам, увезли в Петербург и здесь разобрали экземпляры по начальству. Я очень рад этому. Авось кто-нибудь и поймёт»* (т. 63, с. 155, 160).

Те экземпляры, которые были выписаны в Петербург, осели в библиотеках высокопоставленных лиц — у императора, министра внутренних дел Д.А. Толстого, Победоносцева, Феофистова (2 экз.), в Московском цензурном комитете. Сам же издательский тираж оказался обманчивым, так как трактат распространялся в списках [Письма К.П. Победоносцева..., 1953, с. 508].

Позднее, в 1908 г., Н.Н. Бахметьев, заведующий делами редакции «Русской мысли», в статье, опубликованной в «Новом времени», замечал, что «все экземпляры в целости и невредимости находятся в частных библиотеках». Часть книг попала к букинистам, переплеталась у такого художника-переплётчика, как Жюль Мейер (Петербург), и продавалась по несколько сот рублей за экземпляр [Бахметьев, 1908].

В распространении трактата «В чем моя вера?», так же, как и «Исповеди», участвовало множество добровольцев. Книга гекто- и литографировалась, ходила в списках. Сам автор пытался увеличить ее «тираж». В письме к Бутурлину он сообщал: *«Книга моя ответит на большую часть ваших вопросов... У меня есть и будут рукописные экземпляры. Плачу я за переписку по 15 рублей».*

В работу над текстом трактата «В чем моя вера?» включились переводчики. Вообще впервые его печатный вариант вышел в свет в 1885 г. на французском языке в Париже как «Ma religion» (перевод Л.Д. Урусова). В том же году состоялось его 2-е издание [Гусев Н.Н., 1992]. Толстой участвовал в правке текста и внес в него некоторые изменения. Затем, в 1885 г., трактат появился на немецком и английском языках⁶.

В 1886 г. редакции журнала «Русское богатство» удалось опубликовать фрагмент этого произведения Толстого «В чем счастье?» (№ 1. с. 133–149). Полный текст трактата на родном языке был напечатан в Женеве М.К. Элпидиным без указания года издания, повторно — в 1888 г., в 1900 г. — состоялось его 3-е издание. В России это сочинение Толстого в напечатанном виде читатели смогли получить лишь в 1906 г. — сначала в февральской книжке журнала «Всемирный вестник», потом дважды — отдельно в его издательстве и как издание «Посредника».

Трактат «В чем моя вера?» получил широкий отклик в России и за рубежом. Подводя итоги его распространения в новом сочинении «Царство Божие внутри вас», Лев Николаевич пишет: «Книга по выходе ее, как я и ожидал, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вместо сожжения была разобрана чиновниками и распространилась в

большом количестве списков и литографных оттисков и в переводах, напечатанных за границей». Мало того, как справедливо замечает писатель, его неопубликованное произведение подверглось критике в открытой печати: «И очень скоро на книгу появились критики, не только духовные, но и светские, которые правительство не только допустило, но и поощряло. Так что даже опровержение книги, которая считалась никому не известной, назначено было темой богословских сочинений в академиях» (т. 28, с. 25]. Журналистика Русской православной церкви выступила с резкой критикой трактата «В чем моя вера?»⁷.

К 1890-м гг. у писателя, можно сказать, сложилась своя система распространения сочинений: по возможности — русская печать, иностранная пресса, зарубежная русская журналистика и возврат в той или иной форме (перепечатка — чаще фрагментарная, пересказ, комментарий, цитирование и т. д.) в газеты и журналы России, наконец, то, что в XX в. назовут самиздатом — добровольное распространение в рукописном лито- и гектографированном виде. «Статью мою, Гротовскую, — пишет Толстой 25 ноября 1891 г. Софье Андреевне, имея в виду запрещенную статью «О голоде», предназначенную для «Вопросов философии и психологии» — журнала Н.Я. Грота, — пожалуйста, возьми в последней редакции без смягчений, но с теми прибавками, которые я просил Грота внести, и вели переписать, и пошли в Петербург Ганзену и Диллону, и в Париж Гальперину. Пускай там напечатают: оттуда перейдет и сюда, газеты перепечатают». Петер Ганзен — датчанин, Эмиль Диллон — англичанин: оба переводили произведения Толстого и публиковали их за рубежом. И.Д. Гальперин-Каминский переводил их для иностранной периодики на французский язык.

Система распространения произведений писателя — уникальное явление культуры, основанное на борьбе за свободу слова и бескорыстии, любви к ближнему и преданности проповедуемым идеалам — была создана коллективными усилиями Толстого, его друзей и сторонников. В ней были задействованы его родные, друзья; многочисленные добровольные помощники, которых он мог и не знать; толстовцы — те, кто видел во взглядах Толстого на смысл человеческого бытия особое учение; переводчики сочинений писателя на разные языки мира, причем в их числе было немало его друзей, сторонников его идей, ставших их пропагандистами в других странах.

Большую роль в организации системы распространения произведений Толстого сыграли организованные по его инициативе и при его живейшем сотрудничестве издательства: в России — «Посредник» (1884–1925) — посредник между народом и интеллигенцией, между литературой народной и созданной интеллигенцией; и за границей — «Свободное слово» (1898–1902 гг.) как международный посредник⁸.

Продукция «Посредника» была обращена к народу, духовно-нравственное воспитание которого было привилегией Церкви. Это поло-

жение всячески поддерживалось и царской властью, заинтересованной в сохранении статус-кво. Попытки интеллигенции участвовать в духовно-нравственном воспитании народа встречались, как правило, с недоверием и пресекались. Цензурному ведомству хватило полуторагодового опыта общения с редакцией «Посредника», чтобы достаточно точно составить представление о новом для него объекте контроля, о характере его издательской деятельности.

В 1886 г. работа «Посредника» была исследована одновременно и всесторонне Петербургским и Московским цензурными комитетами, духовной цензурой, что позволило определить общую линию в цензуровании продукции «Посредника» и особенно народных произведений Толстого. 20 августа 1887 г. Главное управление по делам печати распространило цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре, т. е. всему своему аппарату, циркуляр о более строгом цензуровании «Народных рассказов» Л.Н. Толстого. В нем предлагалось *«не допускать более печатания и выпуска в свет никаких рассказов графа Л. Толстого, как появившихся, так и могущих быть им вновь написанных, без представления заключения о них на окончательное решение Главного управления по делам печати»* [Ковалев, 1960, с. 357].

Центр цензуры страны обладал к этому времени комплексной информацией о литературной деятельности Л.Н. Толстого. «Немало затруднений причинял граф Толстой, — признаёт в воспоминаниях начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов. — Громадным своим талантом приобрел он высокое положение в литературе, а между тем никто не производил столь растлевающего влияния на молодые умы проповедью, направленною против церкви и государства, против всех основ общественного устройства. Он сделался идолом некоторых кружков... Он пользовался успехом даже там, где не мог бы, казалось, рассчитывать на него. Особенно обнаружилось это при появлении его драмы «Власть тьмы»» [Феоктистов, 1991, с. 234].

Это произведение было завершено Толстым в 1886 г. Действительно, в течение многих месяцев вокруг него в обществе шли споры, а во властных кругах переговоры, в которых участвовали император Александр III, обер-прокурор К.П. Победоносцев, Феоктистов и др., о том, что же с этой драмой делать. Познакомившись с нею, Победоносцев пришел в экстаз. «Я только что прочел новую драму Л. Толстого и не могу прийти в себя от ужаса», — делился он впечатлениями 18 февраля 1887 г. в пространном послании к Александру III. «Власть тьмы» была на этом этапе запрещена.

Из художественных произведений Толстого, запрещенных цензурой, рекорд по распространенности поставила повесть «Крейцера соната». Ее фрагменты начали лито- и гектографировать еще тогда, когда автор не завершил работу над этим сочинением. 25 апреля 1890 г. Главное управление по делам печати запретило «Крейцерову сонату» «ввиду стремления

означенного сочинения дискредитировать церковный брак и нравственность современного высшего общества» [Апостолов, 1930, с. 91]. Но и эта повесть быстро нашла читателей и без цензоров, так как сам читатель ее искал, переписывал, гектографировал и распространял. С.А. Толстая попыталась включить эту повесть в собрание сочинений. В феврале 1891 г. цензура арестовала в типографии 13 часть сочинений Толстого, содержащую «Крейцерову сонату». С.А. Толстая получила аудиенцию у императора Александра III, который уступил ее натиску и разрешил печатать эту повесть в собрании сочинений — Высочайшее указание от 3 мая, но 8 мая цензурное ведомство внесло уточнение — запретило выпускать ее отдельно (т. 27, с. 589–597).

Всполошился верховный цензор государства К.П. Победоносцев. «Вы читали в газетах, — писал он 14 октября 1891 г. Е.М. Феокистову, — что граф Толстой разрешает всем и каждому перепечатывать что угодно из *последних* томов собрания его сочинений. Это угрожает народу новой опасностью. Явятся спекулянты для дешевых изданий всякой его дребедени. Подумайте, что если «Крейцера соната», напр(имер), распространится в 3-копеечн(ом) издании по чердакам, деревням и селам?»

Я слышал от самого государя, что он разрешил жене его печатание Кр(ейцеровой) Сонаты лишь в *полном собр(ании) сочинений*. Надо иметь это в виду. Подумайте. Если цензура будет пропускать мелкие его издания, потом не поправить дело». Победоносцев предлагает учитывать то, что «ныне в деревне растет ярость» к чтению дешевых изданий и газет. Из чего происходит, по его мнению, «нравственная порча целых поколений» [Феокистов, 1991, с. 411].

Обер-прокурор почти точно обрисовал ситуацию в связи с популярностью «Крейцеровой сонаты». Н.Н. Страхов, например, в письме к Л.Н. Толстому еще 24 апреля 1890 г. сообщал: «Вы знаете, что целую зиму только об ней и говорили и что вместо *как ваше здоровье?* обыкновенно спрашивали: *читали ли вы Крейцерову сонату?* Цензура очень вам услужила, задержавши печатание» [Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1913, с. 400].

Но у Победоносцева, как мы видели, было другое представление о действиях цензуры. В этом конкретном случае он явно просчитался.

В конце XIX столетия художественные и публицистические произведения, взгляды и общественная деятельность Л.Н. Толстого все больше приходили в противоречие с требованиями правительства и цензуры. И тем не менее Толстой стремился печататься в России, хотя его произведения подвергались цензурной экзекуции. Так, из 129 глав «Воскресения», печатавшегося в 1899 г. в наиболее тиражном журнале страны «Ниве», лишь 25 сохранились в том виде, как были написаны. Что касается публицистики Толстого, то как правило она не находила себе места в русской журналистике.

Не менее мощной на выступления Толстого в печати всегда была реакция Русской православной церкви и консервативной части общества. В этом отношении в духовной журналистике *велась уже с 1880-х гг. анти-толстовская кампания*, опирающаяся на главную силу церкви — устную коммуникацию, непосредственный контакт с паствой. Мощным катализатором антитолстовской кампании стал давно спланированный и тщательно подготовленный акт фиксации Святейшим Синодом отпадения Толстого от РПЦ.⁹ Толчком к нему послужил выход в свет романа «Воскресение». Обер-прокурор Св. Синода надеялся, что при переходе власти к молодому царю тот отнесётся к Толстому более сурово, чем Александр III. 26 апреля 1896 г. К.П. Победоносцев писал одному из деятелей народного образования с церковным уклоном С.А. Рачинскому: «Ужасно подумать о Льве Толстом, он разносит по всей России страшную заразу анархии и безверия!.. Точно бес овладел им — а что с ним делать? Очевидно, он враг церкви, враг всякого правительства и всякого гражданского порядка. Есть предположение в Синоде объявить его отлученным от церкви во избежание всяких сомнений и недоразумений в народе, который видит и слышит, что вся интеллигенция поклоняется Толстому... Вероятно, после коронации возбудится вопрос: что делать с Толстым?» [Куров, 1979, с. 269]. Коронация Николая II произойдёт в 1896 г. К началу XX столетия чаша «грехов» Толстого была переполнена и новый роман оказался для нее слишком тяжелым. Слишком прозрачен оказался для Победоносцева — самого внимательного и придирчивого читателя произведений великого писателя — толстовский слепок с него в образе омерзительного Торопова. Обер-прокурор был вне себя. При его участии было подготовлено определение Св. Синода, который дважды собирался для отработки его текста. Но, как показывает переписка Победоносцева с Николаем II, молодой царь даже не был ознакомлен со столь важным документом [Письма К.П. Победоносцева к Александру III, с. 328–329].

Акт был подписан 7 иерархами и принят как «*Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные грекороссийские церкви о графе Льве Толстом*». 24 февраля он появился на страницах «Церковных ведомостей» в № 8 от 25 февраля, в воскресенье, — большинства газет страны на первых полосах без каких-либо комментариев¹⁰. Некоторые издания («Русское слово» — наиболее распространенная газета, «Московские ведомости») напечатали его в разделе «Телеграммы Русского телеграфного агентства». Одновременно с этим документом Синода было разослано распоряжение Главного управления по делам печати «О непопадении в печати сведений и статей по поводу определения Синода» [Гусев Н.Н., 1960, с. 370–371].

В Определении Толстой называется «новым лжеучителем», «в прельщении гордого ума своего дерзко восставшим на Господа и Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекшийся от вскормившей и

воспитавшей его Матери, Церкви Православной»; фанатиком, проповедующим «ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской...» Далее в тексте Определения следовал перечень того, что Толстой отвергал.

После такого официального акта Толстой стал получать немало писем с угрозами в его адрес. Они приходили в Ясную Поляну вплоть до его смерти. В ответе Св. Синоду писатель приводит некоторые из таких писем: «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты, старый чорт... проклят будь»; «Если правительство не уберет тебя, — мы сами заставим тебя замолчать». Далее следуют проклятия; и т. д.

Антитолстовская кампания являет собой яркий пример того, что в контроле за идеями и взглядами, появляющимися в обществе, в создании цензурного режима в государстве участвуют не только официальные структуры светской и духовной власти, их специальные цензурные учреждения, но и общественное мнение, организуемое сверху — этими властями с использованием журналистики и вообще коммуникаций. Массовидный голос «общественного мнения» в этом случае выступает как основной фактор цензурного режима в стране.

Жесткий цензурный режим, созданный властными структурами России для творчества великого писателя и стал побудительным мотивом к организации заграничного центра — издательства «Свободное слово», под руководством его фактического организатора Владимира Григорьевича Черткова. «В России никто не печатает, — констатировал сам Толстой, — и я поставил *conditio sine qua non* печатать всё или ничего» (т. 88, с. XIX). С этого момента все сочинения Толстого, запрещенные ранее и написанные позднее, будут издаваться «Свободным словом» и в его периодике:

- Рабство нашего времени (Свободное слово. 1900).
- Не убий (Листки Свободного слова. 1900. № 17).
- Где выход (Листки Свободного слова. 1900. № 18).
- Неужели это так надо (Свободное слово. 1900).
- Царю и его помощникам (Листки Свободного слова. 1901. №).
- Единственное средство (Листки Свободного слова. 1901. № 24).
- Солдатская памятка (Свободное слово. 1902).
- Офицерская памятка (Свободное слово. 1902).
- О веротерпимости (Свободное слово. 1902).
- К духовенству (Свободное слово. 1903).
- И т. д.

70-летний возрастной рубеж Толстого на грани XIX — XX столетий должен был несколько охладить его бойцовский темперамент, но как раз наоборот: Лев Николаевич с головой окунается в актуальные жизненные проблемы, которых в России накопилось великое множество и которые

властью не решались. Обретя настоящую свободу слова, Толстой с болью в сердце пишет о происходящем в стране и за ее пределами: войнах, казнях, унижении человеческого достоинства — порке крестьян, безбожии. Он становится для власти совершенно неудобным и неугодным публицистом.

Появление «Свободного слова» было сразу же замечено властями России. 2 ноября 1898 г. в письме к императору Николаю II бдительный обер-прокурор К.П. Победоносцев сокрушался: «А в последнее время, к несчастью, в Лондоне образовалась целая кампания русских безумных фанатиков толстовского учения, дошедших в своем фанатизме до того, что они ненавидят самую Россию, распространяя о народе нашем и о правительстве самые чудовищные клеветы. Закваску этой кампании составляют Чертков, Трегубов и князь Хилков. Издается у них и журнал «Free Russia» и другой на русском языке, кроме того, пускают подобные корреспонденции в “Times” и другие газеты. Читая всё это, люди, не имеющие никакого понятия о России и движимые иногда тоже узким фанатизмом, верят и возмущаются» [Куров, 1979, с. 270].

Публицистика Толстого этих лет была пророческим предупреждением трагедии Первой мировой войны, к которой шло человеческое сообщество и которая произойдет в 1914 г. Писатель протестовал против всех возникавших на Земле войн: японо-китайской (1895), итапо-абиссинской (1895–1896), испано-американской, англо-бурской (1897–1898), против подавления европейскими государствами восстания в Китае. К началу XX в. у него сложилась репутация всемирно известного антимилитариста. 22 февраля 1898 г. отмечался международный день пацифистов. По просьбе немецкой писательницы Берты фон Зутнер Лев Николаевич выступил с обращением «к друзьям мира», напечатанным в газете «Неделя» (т. 71, с. 272). В марте он получил из французской газеты «Humanite Nouvelle», выходившей в Париже и Брюсселе, запрос-анкету с вопросами о войне: «Требуют ли войны между цивилизованными народами история, право и прогресс?».

Тогда же общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира, публицист миланского журнала «La vita internationale» («Международная жизнь») Эрнесто Теодор Монета обратился к Льву Николаевичу с просьбой высказать мнение о милитаризме и войне. В ответ на письма европейских журналистов Толстой достаточно оперативно написал статью «Carthago delenda est» — «Карфаген должен быть разрушен». Она была готова 23 апреля. Статья, характеризующая войну как преступление, завершалась призывом «опомниться» и «перестать делать зло» (т. 39, с. 205). Статья появилась на русском языке в «Свободном слове» (1898, № 1), на французском — в газете “L’Humanite Nouvelle”. В Италии номер «Le vite internationale» от 20 сентября с произведением русского писателя был конфискован миланским прокурором. «Как видите, — замечал в письме

к Толстому главный редактор журнала Алессандро Тассони, — в Италии также нет свободы печати, особенно в настоящее время, после недавних волнений» [Литературное наследство, 1965, с. 504].

Однако редакция, получившая поддержку общественности, выиграла судебный процесс, во время которого защитники со стороны газеты, например, заявляли: «Лев Толстой сияет как солнце: солнце иногда обжигает, но кто же дерзнёт с ним спорить!». «Если бы состоялся суд над Львом Толстым, весь ученый мир сказал бы только, что власти, устроившие его, приобщились к бессмертной славе», — говорил под аплодисменты и смех в зале суда писатель Джузеппе Джакоза [Опульская, 1998, с. 296–298]. Конфискованный номер со статьёй Толстого поступил в продажу. В России даже в годы революции это произведение не было пропущено властями к читателю.

Тема войны на рубеже веков в мировой журналистике являла собой, можно сказать, особый форум, в котором голос русского публициста и писателя звучал особо авторитетно. С началом войны Японии с Россией Толстой откладывает всякую другую литературную работу и пишет новый протест — острое, взрывоопасное, злободневное эссе с заголовком — призывом, обращенным ко всем людям, — «Одумайтесь!». 29 апреля 1904 г. оно было закончено. Сохранившийся рукописный материал (242 листа, 203 обрезка и 21 лист вставок) свидетельствует о том, что каждая главка этого произведения переделывалась от 5 до 10 раз [Гудзий, с. 606]. Очень точно подметил его характер В.Г. Чертков в письме к его автору от 27 июля: «Бывает случай, как на пожаре, когда необходимо закричать во всё горло, и это ваше воззвание было таким криком» (Цит. по: [Муратов, 1934, с. 327]).

Публицистика Толстого этого времени накалена чувством сострадания народу и негодования против власть имущих до предела. Еще 3 апреля 1892 г. он занесет в дневник слова: «Хочется написать всю пережитую правду, как перед Богом». Эта правда была для власти и общества слишком неудобна.

Последние годы жизни Толстого также прошли под прицелом цензуры. 1908 г. — юбилейный год 80-летия со дня рождения Л.Н. Толстого — властные структуры государства и Церкви использовали для еще более массивного наступления на его взгляды. Общее собрание IV Всероссийского миссионерского съезда 25 июля постановило принять целый ряд превентивных мер по поводу готовившегося чествования графа Л.Н. Толстого [Муратов, 1934, с. 366]. 2 июля епископ Оренбургский и Уральский Иоаким в обращении к власти предлагал запретить «приготовление к означенному чествованию» [Ковалев, 1960, с. 365]. В 1908 г. лишь в Саратове вышли в свет обличительные брошюры «Граф Л.Н. Толстой, как один из самых ярких выразителей духа грядущего Антихриста», «Истинный облик Льва Толстого», «Отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский) и граф Лев Толстой».

Естественно, инициатива «снизу» получила поддержку Синода, который 20 августа обнародовал *Разъяснение по поводу 80-летнего юбилея со дня рождения Л.Н. Толстого*. В нем, помимо осуждения «противника православной веры», содержались угрозы в адрес тех, «кои сочувствуют его деятельности, выражая это сочувствие участием в праздновании его юбилея»; перечислялись кары и последствия для участников чествования Толстого; они назывались «соучастниками его деятельности», что влекло на их «главу общую с ним тяжкую перед Богом ответственность» [Там же, с. 368]. Именно в этом году на имя писателя из Москвы пришла уникальная посылка, содержащая веревку и комментарий к ней: «Не утруждая правительство, можете сделать сами, нетрудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи» [Петров, 1978, с. 91]. Ответ Толстого на эту записку не нашел подписавшегося адресата. Перепуг властных и цензурных структур был таким, что они дважды заготавливали циркуляры, хоронившие великого писателя загодя. Еще 31 марта 1900 г. по духовным консисториям и епархиям был разослан «секретный указ» о запрещении заупокойных служб о Толстом в случае его смерти [Апостолов, 1930, с. 139–140].

И несмотря на все это, Свободное слово Толстого жило и доходило через все преграды к читателям всей Земли. Уже к 1903 г., когда производился юбилейный обсчет вышедших в свет произведений Толстого, они появлялись на 45 языках народов мира, что означает всемирный, общечеловеческий характер литературной деятельности писателя. При этом с 1873 г. — за 30 лет за границей было напечатано 532 названия сочинений Толстого, тогда как в России за 47 лет — только 238. За эти годы читатели получили 17 полных собраний его сочинений (2 — в С.-Петербурге, 15 — в Москве). В 1898 г. они были изданы дважды — 15-и 14-титомные [Драганов, 1903, с. 7].

Примечания

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. (юбилейное). М., 1928–1958. Т. 88. С. XIX. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием тома и страниц.

² О журнале см: Ашевский С. «Ясная Поляна» Л. Толстого в критике 60-х годов // Русская школа. 1913. № 10 и 11; Смирнов Н. «Ясная Поляна» Льва Толстого. Тула, 1991. Небольшая, но содержательная книга Н. Смирнова дает наиболее полный очерк истории издания, раскрывает круг проблематики журнала «Ясная Поляна», разностороннюю деятельность Л.Н. Толстого в связи с этим.

³ См.: Жирков Г.В. 1) Нравственная публицистика Л.Н. Толстого // СМИ в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвуз. конф. СПб., 2006. С. 178–192; 2) Толстой — военный публицист // Мастерская публициста: Опыт

прошлого и настоящего. Вып. 5. СПб., 2007. С.63–107; 3) Духовно-нравственная публицистика Л.Н. Толстого и современность // СМИ в условиях глобальной трансформации социальной среды: Материалы Всерос. конф. ф-та журналистики МГУ. М., 2008. С. 22–23; 4) Традиции и инновации в исследованиях творческого наследия Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе: Тезисы межвуз. науч. конф./ под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2008. С. 3–16; 5) Публицистическое слово в творческом наследии Л.Н. Толстого // Там же. С. 35–38.

⁴ [Бахметьев Н.Н.] — *Н. Б — в.* Толстой и цензура // Новое время. 1908. 1 октября. Статья секретаря журнала «Русская мысль» Н.Н. Бахметьева стала основным источником для последующих изысканий по истории издания «Исповеди» Толстого.

⁵ Этот эпизод из истории цензуры описан: *Гусев Н. Н.* «В чем моя вера?». История писания и печатания // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 551–553; *Апостолов Н.Н.* Лев Толстой и русское самодержавие. Факты, воспоминания, документы. М.; Л., 1930. С. 75–77.

⁶ Книга называлась: *Worin besteht mein Glaube? Eine Studie. Aus dem russischen Manuskript übersetzt von Sophie Behr; Christ's Christianity.*

⁷ Сам Л.Н. Толстой подробно отвечает на критику, прозвучавшую в адрес его трактата «В чем моя вера?», на страницах книги «Царство Божие внутри вас». (т. 28, с. 25–39)

⁸ См.: Отчет книгоиздательства «Свободное слово» В. и А. Чертковых за период 1897–1900 г. V. Tchertkoff. Christchurch. 1901.

⁹ Эпизод с решением Св. Синода неоднократно описан в научной и популярной литературе.

¹⁰ В дальнейшем: Определение. Его текст — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (юбил.). Т. 34. М., 1952. С. 244–249.

Литература

1. *Апостолов Н.Н.* Лев Толстой и русское самодержавие. Факты, воспоминания, документы. М.; Л., 1930. С. 75–77.
2. [Бахметьев Н.Н.] — *Н. Б — в.* Толстой и цензура // Новое время. 1908. 1 октября.
3. *Гудзий Н.К.* Комментарии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1992.
4. *Гусев А.Ф.* Граф Л.Н. Толстой, его «Исповедь» и мнимо-новая вера. Ч. 1. М., 1890. 460 с.
5. *Гусев Н.Н.* «В чем моя вера?». История писания и печатания // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1992. С. 551–553.
6. *Гусев Н.Н.* «Исповедь» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 522.

7. *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910. М., 1960.
8. *Драганов П.Д.* Tolstojana Polyglotta // *Его же.* Граф Л.Н. Толстой как писатель всемирный и распространение его произведений в России и за границей. К семидесятипятилетию графа Л.Н. Толстого. 1828–28 августа 1903 г. СПб., 1903.
9. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX – XX вв. М., 2001.
10. *Жирков Г.В.* Толстой – военный публицист // Мастерская публициста: Опыт прошлого и настоящего. Вып. 5. СПб., 2007.
11. *Карякин В.Н.* Московская охранка о Л.Н. Толстом и толстовцах // Голос минувшего. 1918. № 4–6.
12. Книга в России. 1881–1895. СПб., 1997.
13. *Ковалев И.Ф.* Борьба царизма и церкви с Л.Н. Толстым // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. VIII. М., 1960.
14. *Ковалев И.Ф.* Цензурные преследования сочинений Л.Н. Толстого // Вопросы истории религии и атеизма : сб. Вып. 8. М., 1960.
15. Лев Толстой и русские цари // Письма к царям. Публицистика и др. М., 1995.
16. *Куров М.Н.* Новые материалы об отлучении Л.Н. Толстого (к 150-летию со дня рождения) // Вопросы научного атеизма. Вып. 24. М., 1979.
17. *Левина С.С.* Нелегальный Толстой // Книга: Исследования и материалы. Сб. 37. М., 1978.
18. *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904.
19. Литературное наследство. Т. 75: Лев Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. М., 1965. С. 504.
20. *Муратов М.В.* Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков в их переписке. М., 1934.
21. *Опульская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 296–298.
22. *Остроумов М.* Наши новые философы и богословы // Вера и разум. 1885. № 20–23; 1886. № 22, 23; 1887. № 2, 4–6.
23. Переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой (1857–1903). СПб., 1911.
24. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1913;
25. *Петров Г.И.* Отлучение Льва Толстого от церкви. М., 1978. С. 91.
26. Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. Т. 2. М., 1926.
27. Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову / публикация и комментарий И. Айзенштока // Литературное наследие. Т. 22–24. М.; Л., 1953.
28. Православное обозрение. 1886. № 1–5, 6, 10; 1889. № 10–12; 1890. № 1, 2, 4.
29. Разная переписка по министерству народного просвещения в 1862, 1863 и 1864 гг. СПб., 1864. С. 16–17;
30. Редакция и сотрудники «Русской мысли». Донесение обер-полицеймейстера Козлова от 21 февраля 1886 г. // Былое. 1917. № 4 (26).

31. *Спиридонов В.С.* Л.Н. Толстой-педагог на суде цензуры и критики шестидесятих годов // Учен. зап. ГПИ им. М.Н. Покровского. Т. 4. Вып. 2. Л., 1940. С. 104–105;
32. *Толстой Л.Н.* О литературе: Статьи, письма, дневники. М., 1955. С.100–101.
33. *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями. М., 1962.
34. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.
35. *Цимеринов Б.М.* Произведения о Крымской войне перед судом царской цензуры // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963.